

деленностью волшебного времени: рождение богатыря «запланировано» «к исходу сентября». Это и остров-утопия с его идеальной структурой «государственного управления». Здесь есть и своя «политическая система» (Гвидон — народный избранник), и «экономический механизм» («Из скорлупок льют монету,/ Да пускают в ход по свету»), и «военная организация» (есть «войско», «караул»), и даже своего рода система «социального обеспечения» («Все в том острове богаты,/ Изоб нет, везде палаты...»). Это и вполне «современная» реакция Гвидона на чудо («Но, быть может, люди врут...»). Если пользоваться терминологией Шишкова, названные черты сказочной поэтики — «анахронизм», который есть «торжество искусства».

Отмечая несомненную близость теоретических принципов Шишкова и Пушкина, одновременно следует сказать и о том, что эту близость нельзя преувеличивать. Ведь Шишков вполне еще традиционен во взглядах на сущность жанра литературной сказки. Переводчик ставит знак равенства между «простонародной сказкой» и лубочной литературой («Еруслан Лазаревич»), восточными сказочными сюжетами (эпизод о Рустаме из «Шах-наме» Фирдоуси, к которому, по мнению Шишкова, восходит сюжет «Еруслана...»). Все это представления, возникшие на рубеже XVIII—XIX вв., когда источником литературной сказки признавались либо рыцарские романы, либо арабские сказки, — подход, породивший многочисленные образцы жанра «сказочно-богатырской поэмы» (типа «Ильи Муромца» Карамзина). Недаром Шишков и упоминает «Руслана и Людмилу» — поэму, блистательно завершившую подобную традицию. Пушкин же в начале 1830-х годов вполне осознал жанрово-эстетическую самоценность народной сказки как таковой, и в этом его существенное отличие от Шишкова. Но несомненно и то, что в условиях обострившейся дискуссии о народности жанра литературной сказки, автор «Царя Салтана...» не мог не ощущать и продуктивности прежней традиции, смело объединявшей современное миропонимание с представлениями сказочного фольклора.

В этом смысле Пушкин и Шишков явно противостоят концепции Полевых, которые не без умысла отождествляли пушкинскую сказку с традицией сказочно-богатырской поэмы конца XVIII — начала XIX в.

На позициях, теоретически близких Шишкову и Пушкину, стоял Н. Надеждин, также публично откликнувшийся на появление «Сказки о царе Салтане...». По мысли издателя и ведущего критика «Телескопа», литературная сказка, ориентированная на авторскую обработку народно-сказочного сюжета, — это не просто взгляд в прошлое, но обязательно взгляд, связующий прошлое с настоящим, это возвращение к своему фольклорному «детству», но уже на новом — современном витке культурного развития. Именно этого «второго, искушенного, мудрого младенчества» [8, с. 114] ожидал Надеждин от пушкинской сказки. Но теория в данном случае разошлась с практикой: слабость представлений о подлинной фольклорной сказке, а значит, и неспособность правильно отделить собственно авторское от фольклорного, помешала критику должным образом оценить новаторство Пушкина-сказочника.

По сути дела, все оценки «Сказки о царе Салтане...» как публичного, так и частного характера, сделанные в начале лета 1832 г. (т. е. до пушкинских похвалы «Фортунаду» и его переводчику в письме к Погодину), распределяются между двумя основными позициями, которые отражают рецензии Полевого и Надеждина. Е. А. Баратынский в письме к И. В. Киреевскому (июнь 1832 г.) видел «недостаток» пушкинской сказки в том, что это «совершенно русская сказка», а потому она ничего не прибавит «к нашему литературному богатству» [9, с. 519]. Аналогичный взгляд на «Сказку о царе Салтане...» как на механическое подражание народной сказке выражен и в письме В. Д. Комовского к Н. М. Языкову от 25 марта 1832 г.: «Жуковский как сказочник обрелся